

ФОРМИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

© 2018 г. **Холондович Е.Н.***

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1.

Аннотация: В статье представлена психолого-исторической реконструкция ментальности русского человека середины XVII века. Проведен анализ культурного, политического, социального контекстов эпохи XVII века. Представлены особенности верований и представлений людей того времени, некоторые приемы мышления, восприятия пространства и времени, отношения власти и народа, правовое сознание, развитие искусства. Общество XVII века на Руси было четкое разграничено по сословному признаку, личность не выделена. Мышление человека – эмоционально, отличалось мистической направленностью. Жизнь человека и его представление о времени было четко регламентировано церковными нормами и природными циклами. Характер опыта – ярко эмоциональный, опирался на коллективные мистические представления. В середине XVII в. наметились тенденции к постепенному развитию самосознания личности, формированию нового правового сознания, закладывались новые культурные модели, выразившиеся в конфликте культуры элиты и народа.

Ключевые слова: ментальность русского человека, средневековье, личность, сознание. мистические представления, культурные модели, приемы мышления, культурный контекст эпохи

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к середине XVII века в русской историографии, определяется представлением о том, что менталитет современного человека берет свое начало именно в допетровской Руси, так как в данный исторический период еще не произошло коренного расслоения в общественном сознании народа и правящей элиты, характерного для последующих эпох. Реконструкция мировосприятия людей предлагаемой эпохи актуально еще потому, что дает возможность понять, как и где зарождался новый ментальный кругозор,

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
характерный для следующей эпохи, эпохи Петра I, ставшей поворотным моментом в истории России, приведшей к коренному сломену представлений и традиций. Так как именно предшествующие эпохи и культуры, по мнению Л. Февра, закладывают тот самый «мыслительный инструментарий», формирующий человеческое сознание, при помощи которого человек осваивает мир и который, в свою очередь, будет меняться в процессе исторической практики (Гуревич, 1996). Следовательно, предлагаемая тематика даст возможность понять современный менталитет, каковы его отправные точки, где формировалась концепция мира русского человека.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

И.Г. Белявский в своей работе «Лекции по исторической психологии» (Белявский, 2004) пишет, что социальные и экономические предпосылки не являются главными движущими силами истории, потому что это «результат явлений чисто психологического характера» (Белявский, 2004, с. 6). Именно человек и его психика – «первая и последняя причина» всех основных явлений и процессов истории. Историческая психология представляет собой систему знаний о человеке в истории, его личности, особенностях психики, «закономерностях ее культурно-исторической обусловленности, ее развития» (там же, с.7).

Действительно, отрицать влияние самосознания личности, ее психики на исторический процесс невозможно. Так, В.А. Кольцова и А.Л. Журавлев полагают, что ментальность личности – это «та внутренняя психологическая опосредующая среда, через которую преломляются любые внешние воздействия и которая определяет отношение человека к разным явлениям и событиям окружающей действительности, эффективность его взаимодействия с миром» (Журавлев, Кольцова, 2016). Следовательно, личность является важнейшей детерминантой исторического процесса, через нее, ее систему ценностей, убеждений, верований и представлений, отношений и социальных

настроений, через ее психику преломляется исторический процесс развития общества и формируется его облик.

Исследователи по-разному интерпретируют роль личности в историческом процессе. Например, французский историк, основатель «Школы Анналов» Л. Февр полагал, что именно конкретная личность (выдающийся исторический или культурный деятель) выступает главным выразителем ментальности, самосознания как конкретной группы, так и менталитета народа в целом. Н. Элиас высказывался за то, что новые формы поведения формируются исключительно в аристократических кругах. Ж. Дюби был убежден, что культурные модели и ценности формируются в «верхах» общества и постепенно «спускаются в его недра» (Гуревич, 1993). Р. Мандру видел каждого человека носителем определенной ментальности, и короля, и простого солдата можно рассматривать как создателя исторического облика своей эпохи (Мандру, 2010). А.Я. Гуревич же писал, что правильно говорить о взаимодействии различных тенденций, присущим разным стратам общества (Гуревич, 1993). Нам представляется это утверждение верным. Зарождается определенное видение мира – «ментальный инструментарий» (А.Я. Гуревич) в различных социальных слоях общества, носителями менталитета являются представители всего народа, каждый конкретный человек, но трансляторами, выразителями его будут, несомненно, известные, выдающиеся, гениальные личности, как самые яркие представители нации.

Для воссоздания ментального облика русского человека XVII столетия нами за основу была взята процедура историко-психологической реконструкции, разработанная В.А. Кольцовой, а также последовательность исследовательской процедуры, предлагаемая различными представителями французской исторической школы для изучения ментальности человека различных эпох, истории повседневности (Л. Февр, М. Блок, Ж. Ле Гофф и др.), разработки отечественных медиевистов, в частности А.Я. Гуревича.

Процедура историко-психологической реконструкции базируется на принципах: диалогичности, опорой на ценностное содержание и раскрытие смыслов происходящего, ориентированности на индивидуальные своеобразные явления. Важнейшими ее особенностями выступают: ссылка на авторитеты, учет различных точек зрения, опора на традиционные интерпретационные модели исследования (Кольцова, 2008).

Французская школа в качестве основных компонентов исследования, важных для понимания различных аспектов человеческого существования, предлагает изучать: существующие формы власти, религиозные и мистические верования, базовые формы солидарности (семья, сословия, государственные институты, церковь), а также временных формы солидарности (праздник), правовое сознания, различные виды деятельности, психические процессы и состояния человека, язык, установки, восприятие пространства и времени (Блок, 1986; Мандру, 2010; Гуревич, 1993). А.Я. Гуревич, в свою очередь, предложил базовые категории для воссоздания модели мира средневекового человека: время, пространство, право, богатство, труд, собственность (Гуревич, URL).

В качестве источников знания о исторической эпохе выступили работы историков (И.Е. Забелин, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов, С.Ф. Шмурло и др.), работы культуроведческого характера (Д.С. Лихачев), искусствоведение (И.Э. Грабарь), мемуаристика (Г.К. Котошихин, протопоп Аввакум), работы современных исследователей по изучаемой эпохе (И.Ю. Заорская, И.В. Чапайкин, И.Л. Давыдова, Л.Б. Сукина).

ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Для изучения ментальности личности конкретной эпохи, необходимо рассмотреть те исторические предпосылки, которые, по мнению экспертов, и послужили детерминантами формирования определенных «сдвигов», трансформаций в привычном восприятии мира человеком. В качестве таковых в

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

истории России XVII столетия историки (Забелин, Ключевский, Соловьев, Платонов) рассматривают последствия кризисного периода в истории, в частности, Смутное время, реформы Ивана IV Грозного, приведшие к ослаблению как правящей элиты, так и простого населения и в целом к разорению страны, прерывание правящей династии Рюриковичей, выдвижение на историческую авансцену сильных личностей, неустойчивость и противоречивость всей общественно-социальной жизни страны (правители, склонные доверять доносам, воспитали в людях страх; безгласность русских, все склонны к «безумному молчанию»; отсутствие согласия, разобщенность – «не чужие земли разорители, но мы сами ее потребители»; социальная несправедливость, взяточничество, неправосудие, глубокое расслоение общества) (Лихачев, 2018).

Система управления в Московской Руси XVII века была централизованной, вся *власть* сосредоточена в руках царя и имела характер «системы поручений». Любой круг дел мог быть вверен доверенному лицу, который в свою очередь управлял в силу своих способностей и мог сосредоточить в своих руках несколько так называемых ведомств. Иногда разные ведомства ведали одними и теми же делами. «В государственном управлении не будет единства, контроля, отношения будут запутаны, но она будет существовать, сильная своей близостью к верховной власти», – писал А.Д. Градовский о такой форме управления (Заорская, Чапайкин, 2018). Парадокс того времени состоял в том, что общество XVII столетия в основе своей было не воинственно, но построено оно было на военный манер. Все служили: высшее дворянство – ополчение, средний слой – посадские люди – тянули «тягло», выполняли денежную повинность, крестьяне – «тягло», поддержание экономического положения дворянства, покрытие военных издержек государства. Все сословия исполняли повинность. Дворянин прикреплен к службе, к городу, уезду (где находилась его земля). Посадские горожане – к тяглу, к общине, которая платила подать; крестьяне – к земле, с

которой платили подать, и к лицу землевладельца, которому принадлежали, и которые, в свою очередь, служили. Все сословия, их существование было обусловлено общественными интересами. Государь – власть судебная, законодательная и исполнительная. Патриарх и церковь находятся в подчинении царя. Боярская дума – совет государя, главное правительственное учреждение. В ее ведении были приказы. Дворянство – обширное сословие, несущее военную службу и участвующее в управлении государством. Торговое и промышленное сословие – самое малочисленное, так как торговля и производство были крайне неразвиты в Московском государстве. Самым обширным классом являлось крестьянство. Оно делилось на две категории: черные или государевы люди – они жили на черной государственной (волостной) земле; владельческие крестьяне, жившие на землях помещичьих, вотчинных, монастырских, дворцовых (удельных). Именно в XVII в. происходит окончательное формирование *сословий* и их закрепощение. Каждое сословие образовывало из себя замкнутый круг, вход и выход из которого был невозможен. Взаимоотношения между подданными царя складывались по типу хозяин – раб. Еще Иван Грозный утвердил такой порядок в государстве, где все подданные, даже принадлежащие к родовитому боярству, являются рабами государя. В письме к князю А.М. Курбскому он отзывается о боярах как о своих рабах и утверждает, что в воле царя «хотеть быть обладаемому своими рабами» (Ключевский, 2008, с. 210). Г.К. Котошихин писал о том, что ни один человек, к какому бы сословию он не принадлежал, не мог покинуть страну без дозволения царя. В противном случае это рассматривалось как побег и государственная измена, и родственники виновного подвергались пытке и ссылке (Котошихин, 1884).

Патриархальные родовые отношения в XVII в. на Руси были очень сильны, они определяли и личность человека, и его деятельность тем самым определяя всю систему общественных отношений – союз родства не допускающий равенства между своими членами. Личность не выделена, каждый сам по себе не имеет значения: есть члены семьи, члены рода. Есть

достоинство старшинства (Забелин, 1872). Им то и определялась «честь человека» или право, которым он пользуется в обществе. В определении личности на первом месте стоял род. Родовые отношения определяли значение и право, отношения к государству, т.е. службу. Рангов не существовало, существовало старшинство «родовых чинов» (Забелин, 1872, с. 135). Невозможно было помыслить о переходе из одного разряда в другой или их смешение! В каждом разряде в свою очередь свои разделения.

В семье главенствовал домовладелец. Второстепенное место занимали его «сродичи». В гражданском быту во главу угла ставилась семья, а не общество. В отсутствие общественного равенства членов, личность не была самостоятельной, не выделялась как единица, она не имела никакого значения. Человеческие права определялись правами «отчины» – старшинства рода (Забелин, 1872, с. 141). Ранг человека (его принадлежность к высшему роду) определял его интеллект, нравственность и другие качества. Если на ум претендовал человек малого ранга – это считалось «высокоумием», гордыней, порочными наклонностями. Семья в Московском государстве имела прообраз государственной власти того времени. Это можно выразить следующим образом; старшие, высшие – отцы, младшие, низшие – дети. Женщина и дети занимали подчиненное положение. Значение семьи, рода определял отец. Мать никакого значения не имела. Основное предназначение женщины – замужество, продолжение рода, в противном случае – монастырь. Женщина придаток мужа, она была лишена всех прав. Ей было отказано в личной самостоятельности, она по определению не могла быть умна. Более того, ей было отказано в элементарных человеческих правах (Забелин, 1872, с. 180). Женская красота почиталась источником соблазна и греха и, следовательно, не одобрялась. Женщина – источник зла. «От жены начало греху и тою все умираемъ. Малого бо бесу помощи въ женахъ...» (там же, с. 151). Главные добродетели женщины: трудолюбива, разумна, послушна, домовита, весела. Долг жены мужа бояться, повиноваться ему. Главная цель ее жизни – это благоденствие мужа. Благополучие жены и дома, семьи в благополучии «домовладыки» (там же, с.

152). Воля мужа закон. Если мужчина впадал в соблазн – причина женщина, и, следовательно, источник соблазна должен быть устранен, поэтому женщина должна сидеть взаперти. Защита женщины основывалась на том, что она член семьи, рода, и, естественно, ее защита обусловлена только защитой, ограждением родовой чести.

Дети также не имели никаких прав и рассматривались или как работники, или как лишние рты. Как и женщины они подвергались побоям, что было нормой того времени. На необходимость учить детей розгой указывал «Домострой». Количество детей в семье было большим. Смертность – очень высока. Дети, как правило, в привилегированных семьях жили на женской половине дома, в крестьянских же – в общих помещениях со взрослыми.

Важнейшей задачей населения страны того времени было обеспечение выживания, связанное с тяжелыми климатическими условиями (длительные холода и короткое лето), постоянными войнами и стихийными бедствиями (мор, пожары и т.п.), экономической и политической несправедливостью населения, последствиями смуты – обнищание всех слоев населения. Как писал С.Ф. Платонов, все сословия жили плохо, процветала только административная верхушка (Платонов, 2006).

Отношение к *труду* и к *богатству* накладывало свой отпечаток на ментальность людей XVII в., и здесь значение имело как православное воспитание, так и традиционный строй русской жизни. Если в протестантской культуре долгие века формировался культ богатства, и как основной способ его достижения – интенсивный труд, то в русской православной культуре, хотя и относились к труду как к необходимой составляющей праведной жизни, но не отводили ему первостепенного значения, ставя на первое место смирение, аскезу и терпению. Труд был необходимостью, формой выживания, но не способом накопления богатства (традиционно богатство ассоциировалось с грехом и неправедной жизнью; оно мешает пройти легко в царствие небесное). Богатство, как правило, результат родовой принадлежности, близости к

царской власти. Но в то же время следует отметить, что приняв в качестве культурного наследия пышность Византии, русские люди в богатстве отличались крайней степенью сибаритства и чванливостью, но впадая в бедность, с той же легкостью проповедовали крайнее смирение и аскетизм. При всей закрытости частной жизни (особенно в состоятельных семьях), которая наиболее ярко была выражена в наличии высоких заборов и существовании устойчивого фразеологизма «не выноси сор из избы!», Н.И. Костомаров указывает на пышность и богатство убранства пиров и одежды великороссов (Костомаров, 1907). Демонстрация богатства как важнейшего средства выражения превосходства и могущества, близости к царскому двору была неотъемлемой частью русского боярского быта. Наиболее выпукло оно представлялось на пирах. Н.И. Костомаров приводит пример таких праздников в русских боярских домах, где накрывались богатые столы, сами хозяева и вся челядь были одеты в дорогие платья, чтобы продемонстрировать роскошь и материальное благосостояние хозяев. Хотя челядь обязана была вернуть наряд в казну хозяина, и в случае урона строго наказывалась. В обычные же дни холопы и люди небольшого достатка были одеты крайне бедно.

На крайнюю бедность большинства населения Московии указывали как сторонние наблюдатели, Дж. Флечнер, Ю. Крижанич, так и сами русские, Г. Котошихин, патриарх Никон. Например, в письме царю Алексею Михайловичу Никон писал: «Ты все проповедуешь поститься, а теперь и неведомо, кто не постится ради скудости хлебной; во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего. Нет никого, кто был бы помилован: нищие, слепые, вдовы, чернецы и черницы, все данями обложены тяжкими; везде плач и сокрушение; нет никого веселящегося в дни сии» (Ключевский, 2008, с. 474).

В *сознание* личности XVII в. большое значение имели суеверия, которые И.Е. Забелин относит к особой форме религиозности – вера в колдовство, сглаз и т.п. Идея демонизма была неотъемлемой частью социальной жизни человека Средневековья. Об этом есть ряд работ представителей французской школы

«Анналов» – Р. Мандру, Ж. Ле Гоффа и др. Она присутствовала в мыслях, поступках человека того времени, формировала его поведение, т.к. социальная среда была пронизана суеверием. Так, Забелин в своей работе второй половины XIX в. «Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы» пишет, что «несмотря на увещания», они «остаются нерушимыми и отличаются такой живучестью, что действуют до сих пор» (Забелин, 1872, с. 91). То же можно сказать и о языческих верованиях, традициях и сложившихся устоях жизни. Они неустанно преследовались духовенством и в то же время были неискоренимы. Формы верований постепенно трансформировались из языческих в православные, но суть их не менялась. Свои страхи перед необъяснимыми явлениями (природы) человек трансформировал в веру в чудо, дарованное богом. Мир делился на добрых и злых духов. Человек, в обыденных представлениях, не имел нравственной свободы и самостоятельности, а был безвольным орудием высших сил, добрых или злых. Эти силы управляли поступками человека, следовательно, человек был освобожден от всякой ответственности. Систематическое образование отсутствовало, на него смотрели с суеверным страхом. Учить и бить были синонимы. Забелин приводит мнение С.М. Соловьева о том, что образование было скорее редкостью, исключением из правил. Грамотой владели в основном священнослужители, дьяки и подьячие. Остальное население, даже в среде знати, в большинстве своем было неграмотно.

Религиозные и мистические представления, по определению Л. Леви-Брюля, сродни «первобытному мышлению», где операция мышления происходит «из совокупности привычек, определяющих форму и содержание их мыслительной деятельности» (Леви-Брюль, 2002, с 13). Первобытный менталитет не направлен на поиск знания. Ему заранее все известно. Коллективные представления носят в основном эмоциональный характер. Мир чувственный и мир иной един. Все заранее предопределено мистическими силами. Человеческая деятельность должна быть направлена на выявление этих

сил и следование им. В противном случае человека ждет наказание. Для мышления такого типа характерно, мистическая направленность, предлогика, причина и следствие находятся в одном времени и пространстве, то есть имеет внепространственный характер и часто вневременный, имеет место «субъективное восприятие длительности» (там же, с. 71), где нет прошлого, связанного с настоящим и будущим. Иное строение опыта. Он носит выраженный эмоциональный характер. Наличествуют предсвязи, которые диктуются коллективными представлениями и мистическими причинами. Основным источником знания о потустороннем мире и о событиях, которые будут происходить в реальности, – сновидения. Здесь предзнаменование – не только знак, но и причина. В современном сознании они сохранили функцию знака, но утратили функцию причины. Они интерпретируются как символы (посланцы), вызвавших их мистических сил. В данную конструкцию укладываются религиозные верования и суеверия.

Восприятие исторического времени средневековым человеком, по мнению А.Я. Гуревича, характеризуется своеобразным параллелизмом, обусловленным религиозным, мистическим видением мира. Так, существовало представление о том, что настоящее и прошлое, жизнь Христа, страсти Господни, житие апостолов и святых и т.п., существует параллельно или, во всяком случае, очень близко друг к другу по времени с событиями современности. Наряду с параллелизмом существовало линейное восприятие времени: от прошлого к будущему – от сотворения мира до конца света. Он отмечает, что разные сословия характеризуются своим восприятием времени. Например, для земледельцев время циклично и часто меряется по временам года, природным циклам. Для духовенства же оно линейно. Ф. Бродель утверждал, что на ментальность человека влияют три главных времени: природно-географическое, социальное и индивидуальное. Также исследователи отмечают, что время жизни человека регулировалось полностью церковью. Она устанавливала регламент: посты, молитвы, праздники, секс. Отход же от

регламента рассматривался как грех. Можно предположить, что, так как Московское государство, да и Российская империя, по определению Н.А. Бердяева, была необъятным крестьянским царством (Бердяев, 2011), то есть аграрным, следовательно, у большинства населения преобладало циклическое восприятие времени. Хотя, конечно же, жизнь людей XVII в. была тесно связана с церковью, и регламентация, несомненно, существовала очень жесткая. Так, Л.Б. Сукина приводит в качестве одного из источников знания о религиозном сознании того времени, синодики (поминальные списки) (Сукина, 2013). Они представляли собой свод церковных канонов, иллюстрирующих важнейшие православные догмы того времени, которые формировала церковь у паствы. В ней изображался загробный мир, ад и рай, представление о смерти и грехе, о наказании за несправедную жизнь. «Церковность представляла в то время первенствующую основу всего быта, заключала в себе все тогдашние знания, всю ученость, вмещала в себя всю область тогдашнего мышления, которое утвердилось и питалось почти исключительно только вероучением» (Забелин, 1872, с. 312). Интересно, что, так как канон церковный в православии XVII в. был очень жесткий, и службы очень длинные (против чего, в свою очередь, боролся патриарх Никон), паства часто не соблюдала всех требований и не погружалась в суть религиозного обряда. Поэтому в ее сознании причудливо слились языческие верования и религиозные, и это отразилось в народных праздниках и традициях, суевериях и мистических представлениях. Поэтому можно предположить, что в сознании человека того времени уживались как линейное восприятие времени, так и циклическое. Только доминировало одно или другое в зависимости от сословной принадлежности человека. Так, для духовенства оно было, несомненно, линейным, для крестьянина же циклическим.

Основным *органом чувств*, по Р. Мандру, для человека Средневековья был слух (Мандру, 2010). Так как именно через уши население (в большинстве своем неграмотное) воспринимало мир, и в частности, слово Божье. Но

развитие печатного слова, декоративности во внешней жизни человека (зодчество, фрески, стремление к украшению жилища и костюма, садов) говорит о развитии зрительного восприятия и стремлению к эстетическим удовольствиям. Так, в искусстве того времени на Руси на первый план выходит декоративность. И.Э. Грабарь писал, что русские по преимуществу нация зодчих (Грабарь, 2009). И если новгородская и псковская архитектура (до XVII в.) отличается строгостью форм и изяществом исполнения, то XVII в. – московский период – это гимн декоративности, расцвет московского барокко. «И если бы от тех недолгих лет, в течение которых он был люб москвичам и воодушевлял их зодчих, время сохранило о нем одну только церковь в Филях (1693), то и тогда мы должны были бы признать эпоху, создавшую его, одной из сильнейших в истории русского искусства» (Грабарь, 2009, с. 49). Живопись на Руси, по мнению Грабара, явилась «не столько искусством индивидуальным, изобретением и вдохновением отдельных лиц, как на Западе, сколько художеством собирательным, «таким же народным творчеством, как и народная музыка, песни, эпос» (там же, с. 95). По огромности «декоративных замыслов и их блестящему решению», роспись храмов Ильи Пророка и Иоанна Предтечи в Толочкове в Ярославле, Грабарь ставит на одну планку с совершеннейшими итальянскими фресками Раннего Возрождения. В зодчестве XVII в. удивительны не только внешняя сторона здания, но и внутреннее убранство. Создавалось впечатление «предстояния на небесах». Фресковая живопись и иконопись воссоздавали в зрительных образах православное вероучение. Нравственное воздействие через икону, фресковую живопись, т.е. через идеальные образы. Но уже наметились интересные изменения, говорящие за то, что в самосознании художника того периода назрели перемены – появлялась перспектива, зарождалось искусство портрета. Сукина указывает на отход от жестких канонов, возможность личной интерпретации религиозных сюжетов как заказчиками, так и художниками, и в целом на «антропологизацию сюжетов и образов» (Сукина, 2013) .

Идеальные образы были характерны также для литературы Древней Руси. В сказаниях о житие святых (агиографии), на первый план выделялись именно нравственное совершенство описываемой персоналии, святость ее жизни и трагичность пути, приведшего к святости. Это было характерно и для летописи, учительной литературы и исторической: в изображение человека главенствовала именно идеализация, ему приписывались лучшие качества, свойственные представителю той или иной социальной группы. Здесь отсутствовало представление о неповторимой и индивидуальной психологии человека, о его внутренней жизни, представление о характере. Рассматривался как бы отвлеченный персонаж. В литературе же XVII столетия появляются новые веяния. Происходит разделение на литературу феодальную – «верхов» и литературу демократическую, содержащую сатиру на отрицательные явления общественной жизни (Лихачев, 2015). Меняются *представления о человеке*. На первый план выступает его личная судьба, а не родовая. Если ранее преобладало полное игнорирование быта, герой представлен – чаще историческое лицо или святой – идеализированно, то теперь появляется герой простой, даже безымянный, со своей сложной внутренней жизнью («Повесть о горе Злосчастии», «Повесть о голом и небогатом человеке»), тесно связанной с реалиями своего времени. Появляется «автобиографизм», в текстах прослеживается переживания, мнения, события жизни, и даже комментарии самого автора. И это характерно не только для автобиографий: «Житие Аввакума» и «Житие Епифания», но и для хроник того времени: «Повести о Смуте», записки П. Толстого, Б. Шереметьева. Появляются вымышленные герои, что само по себе немислимо в предыдущие эпохи, так как вымысел считался греховным. Как пишет Д.С. Лихачев: «...литература вышла широко за пределы феодального класса, она не могла ограничиться “историческими” именами из среды самых верхов феодального общества, когда понемногу, в результате земских соборов, народных ополчений, восстаний и протестов начала осознаваться роль всего народа, всей нарождающейся нации в историческом процессе» (Лихачев, 2015, с. 212). В ней появляются конфликт

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

личности со средой, неудовольствие общественными порядками, испуг, страх перед миром, ощущение собственной незащищенности, вера в судьбу, тема смерти, самоубийства, «первые попытки исправить несправедливость» (там же, с. 233). Выведение в образе героя «грешного» человека, «Повесть о горе Злосчастии», «означало гибель средневекового нормативного идеала и постепенный выход литературы на путь индуктивного художественного обобщения – обобщения, опирающегося на действительность, а не на нормативный идеал» (там же, с. 239).

Но и в изобразительном искусстве так же важное место занимает личность, ее ценность: появляются портреты (парсуны), развивается линейная перспектива, в которой главенствует единая индивидуальная точка зрения на изображение, появляются иллюстрации с изображением «среднего» человека, зарождается лубок (Лихачев, 2015, с. 247). Рост самосознания, социальные противоречия, духовные устремления, критическое осмысление жизни – вот что характерно для искусства XVII в. Лихачев определяет этот период, как «неузнанную эпоху Возрождения в средневековой Руси» (Лихачев, 2018).

Большую роль в развитии самосознания личности рассматриваемой эпохи сыграло развитие письменности. В среде торговых людей, крупных ремесленников, служилых людей была насущная потребность в счете и письме, так как усложняется торгово-промышленная деятельность, расширяются контакты с Западной Европой, увеличивается аппарат власти (увеличение числа приказов). Очень быстро развивался писарский промысел в городах. Это обуславливалось необходимостью для простых людей обратиться с прошением или написать бумагу. В XVII в. печатных книг вышло до 300 шт. (Лихачев, 2015). Появилась первая рукописная газета «Куранты» для царя и его окружения. Создается Записной приказ, который собирает материалы для будущей истории. Выходит букварь Василия Бурцева, Кариона Истомина, Симеона Полоцкого – по нему обучались царские дети. В 1672г. в Москве открывается первая книжная лавка. Появляются также азбуковники – словари

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

иностранных слов и понятий, сведения об античных историках, философах, географах, исторические справки по отечественной истории. Появлялось все больше книг специализированных: по межеванию земель, руководство по смешиванию красок и др. В городах росло число печатных книг для домашнего чтения, главным образом в правящем сословии. Но, конечно же, в большей степени были востребованы книги религиозного содержания как печатные, так и рукописные. Появляются книги и для простого народа: «Голубиная книга или глубинная», «Беседа трех святителей», «Толстые сельские сборники», сказания или повествование о «Савве Груцыне», Петре и Февронье, бесноватой Соломонии. По мнению Забелина, «книжность и писание являлось тем средством, материалом» из которого народ создавал новые «образы верований, новые символы своего сознания» (Забелин, 1872, с. 108). Они были тесно вплетены в мифическое сознание и составляли культуру простого народа, управляли его представлениями и верованиями. Главные вопросы, задаваемые в народных сказаниях и книгах, которые отмечает Забелин: «Отчего зачало и где мать вещей». Это свидетельствует о пытливости ума русского человека, но естественно ответы он давал в соответствии со своими мифическими и религиозными представлениями, почерпнутыми из доступных источников грамотности.

Появились зачатки системного школьного образования. В 1621 г. открыта лютеранская школа для детей иностранцев (ее посещали и русские). Ф.М. Ртищевым (новатор, сторонник перемен) была открыта школа в Андреевском монастыре для боярско-дворянских детей, где изучались философия, риторика, история, география, языки – славянский и греческий. В 1650 г. в Чудовом монастыре открывается школа для духовенства. Были открыты школы при печатном дворе, при Аптекарском и Посольском приказе. В 1687 г. по инициативе Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева основывается Славяно-греко-латинская академия, готовившая духовенство, а также чиновников к государевой службе. В ней учились М.В. Ломоносов, П.В.

Постников – будущий доктор медицины Падуанского университета, архитектор В.Н. Баженов.

Открылись в Москве первые аптеки и больница (1668) для бедных, старых и служилых, получивших раны на государевой службе.

Вообще в данный период намечается секуляризация жизни общества. Ему способствовало обновление жизни церкви. В связи с реформой церкви, ослаб несколько контроль над жизнью обывателей. Забелин констатирует тот факт, что раскол, который повлекла за собой реформа, был следствием тех же мифических верований, что присутствовали в мышлении простых людей. Здесь сказалась борьба старых, укоренившихся представлений и новых веяний, вводимых Никоном. «Под именем старой веры люди XVII столетия разумели известный устав, домострой всей жизни, органическую совокупность верований, воззрений и представлений, цельность своего мирозерцания» (Забелин, 1872, с. 120). С.М. Соловьев причину раскола видит в том, что ученики стали учить учителей. Они в их лице покусились на авторитет церкви. Здесь он проводит параллель, аналогию с расколом в католической церкви – движение М. Лютера, Яна Гуса. Но Забелин уверен, что причина раскола в столкновении старой культуры (преданий, привычек, верований и представлений) и новых стремлений в обществе. Н.А. Бердяев же в расколе церковном XVII в. видит начало раскола всей жизни русского общества, произошедшего с реформами Петра и выделением слабого культурного слоя, столь чуждого основной массе крестьянства (Бердяев, 2006). Церковный раскол ознаменовал собой отказ от религиозной и национальной доктрины, укоренившейся в сознании русских людей еще в XVI в.: о превосходстве Москвы над Западом, о «Москве – третьем Риме», охранительнице правильного христианского вероучения – православия. Для многих сторонников старой веры изменение церковной доктрины было равносильно потере национальной идентичности.

Стремление к изменению формы прослеживалась не только в религиозной жизни общества, но и в светской. Именно «в верхах» зародился активный интерес к традициям и культуре Западной Европы. Одним из таких веяний явилось появление театра при дворе царя Алексея Михайловича! Борис Годунов видел много плюсов в сближении с Европой, он посылал дворянских детей на обучение в Европу (Платонов, 2006, с 171). В среде близких к царской власти людей (Ртищев, Орден-Нащекин, Матвеев, Голицын) все большую моду приобретают вещи домашнего обихода из Европы, предметы одежды (в большинстве своем из Польши), даже при царском дворе они входят в моду, картины, которые на Руси считались греховными. Как полагал Л. Февр, именно правящее сословие (элита) наиболее открыто новым веяниям. Это касается, прежде всего, области просвещения и искусства. А уже через него идет трансляция на другие сословия: торговых людей, ремесленников. Но и обычные люди проявляли интерес к иноземцам, которых все больше появляется в Московском государстве среди служилых людей и духовенства.

Привнесение эстетического элемента в быт отмечает Забелин. Так, отсутствие светских удовольствий и развлечений для женщин этой эпохи компенсировалась жизнью в тереме и в закрытом пространстве домашнего сада, но сад более напоминал огород – неотъемлемая часть домовитого хозяина. Покупать что-то по мелочи на рынке было унижительно, что говорило о «худом положении домашних дел» (Забелин, 1873, с. 269). Все потребности удовлетворялись из домашнего хозяйства – это был признак достатка, благосостояния. «Жить прохладно» – много челяди, дворни и собственных припасов – вот идеал богатого существования того времени (там же, с. 270). Иностранцы указывали на наличие огородов и садов в каждом маломальском зажиточном хозяйстве. «Домострой» не отличал огородов от садов в руководстве по содержанию, употреблению и экономической выгоде для хозяйства. Это относится к садам частных лиц и к царским садам. Они в принципе не отличались. Во второй половине XVII

столетия в исторических источниках появляются упоминания о разного рода увеселительных приспособлениях в садах знати. При царе Михаиле в садах появляются розы, по свидетельству Олеария, привезенные из Голштинии (Германии). До этого времени выращивали только шиповник. 1654 г., приводит записку Забелин, в Архангельск приходит груз с заморскими деревьями и четырьмя попугаями (Забелин, 1873).

В правовой жизни Московского государства происходят серьезные реформы, неотлагательная необходимость которой была обусловлена всем ходом русской жизни. Так, к середине XVII в. скопилось множество законов, уже не входивших в «Судебник Ивана III», дополнительных статей к нему, часто противоречащих друг другу. Недовольство всех сословий экономическим упадком страны, отсутствие единого законодательства стало причиной создания сводов законов «Соборное уложение» (1648-1649гг.). это свод законов гражданского, уголовного права на основе права византийского и литовского, которое действовало до 1832 г. Подготовлен он был государственной властью, а рассматривался и был одобрен Земским собором, который С.Ф. Платонов, считает наиболее «удачным по числу представителей» и наиболее результативным по числу решенных вопросов. При этом законы были переработаны, введены новые. Они имели характер крупных общественных реформ. Отменены урочные лета, срок поимки беглых крестьян, тем самым произошло окончательное прикрепление крестьян к земле. Это было продиктовано насущной необходимостью повысить экономическое положение служилых людей (дворян). Духовенству, одному из крупнейших землевладельцев, было запрещено покупать вотчины, введено ограничение его судебных льгот. Создан Монастырский приказ. Его задача сводилась к тому, чтобы ограничить злоупотребления со стороны духовенства. Закрепление и обособление посадского населения. Торговля в Московском государстве после смуты была сведена к минимуму. Посадских людей в некоторых городах вообще не было. Ограничивалась беспошлинная торговля иностранных купцов.

Торговлей могли заниматься только посадские люди, другие сословия лишались этой привилегии. Введен налоговый устав. Статьи о татебных, разбойных и убийственных делах (1669). Как считал историк, «Уложение» положило начало общего равенства перед законом всех сословий. «Чтобы Московского государства всех чинов людям, от большого до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем равна» (Платонов, 2006, с 242). Была проведена финансовая реформа. Из-за злоупотреблений, правда, потерпевшая неудачу.

Хотя, конечно же, стоит отметить, что основная масса населения была неграмотна и законов не знала, чем пользовался все увеличивающийся приказно-бюрократический аппарат власти, который наследовали учреждения Петра. С одной стороны, бесправие населения, вопиющая несправедливость, экономический упадок и притеснения населения власть имущими, с другой стороны, появление зачатков представлений у человека о своих правах как личности, в то время выразилось в самом большом количестве народных восстаний.

Таким образом, мы может констатировать, что во всех областях общественной и культурной жизни Московского государства происходили серьезные изменения. И хотя власть стремилась проводить их старыми методами, новые веяния обуславливали введения все новых и новых порядков.

ВЫВОДЫ

Нами был проведен анализ культурного, политического, социального контекста эпохи XVII в, особенности верований и представлений людей того времени, некоторые приемы мышления, восприятия пространства и времени, отношения власти, правовое сознание, развитие искусства того периода и др. Результатом представленного анализа стали следующие выводы.

Общество XVII в. на Руси представляло собой четкое разграничение и обособление сословий. В основу его были положены родовые отношения,

которые определяли как деятельность человека, так и его личность. Власть имела централизованный характер, представленный в системе поручений. Положение человека определялось его близостью к власти. Мышление человека данного периода выражалось в эмоциональности, мистической направленности, предлогике, где причинно-следственные связи имели внепространственный и вневременный характер. Восприятие исторического времени отличалось параллелизмом. Сама жизнь человека и его представление о времени было четко регламентировано церковными канонами и природными циклами, отличалось субъективизмом. Характер опыта ярко эмоциональный и опирался на коллективные мистические представления. Основной орган восприятия – слух. В данный период наметились тенденции к постепенному развитию самосознания личности. Этот вывод можно сделать по косвенным источникам. Так, в литературе расширяются представления о человеке. Появляется описание его личной судьбы, особенностей внутренней жизни, его переживания, мнения, появляется вымышленный герой, описание конфликта личности и группы. В живописи намечается развитие перспективного видения мира художником, изображение простых людей, зарождение портрета (парсуны), развивается лубок. В зодчестве преобладает красочность и декоративность отделки, что вместе с расширением печатного слова говорит о развитии зрительного восприятия человека того времени. Также необходимо отметить, что в XVII в. начинает формироваться новое правовое сознание, отражающее представление человека о равенстве всех граждан перед законом. В данный период закладываются новые культурные модели, выразившиеся в конфликте культуры «верхов», имеющим доступ к знаниям, и культурой «низов» или фольклорной культурой, длившийся до начала XX в.

Литература

Белявский И.Г. Лекции по исторической психологии. Одесса: «Астропринт», 2004

Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: АСТ:АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Бердяев Н.А. Русская идея. М.: АСТ. 2011

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Изд-во «Наука», 1986

Грабарь И.Э. История русского искусства. М.: Изд-во «АСТ Москва» 2009

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. URL: gumer.info (Дата обращения: 12.08.2017)

Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Изд-во «Лидрик». 1993

Давыдова И.Л. Россия XVII века: культура и искусство в эпоху перемен. Дисс. ...докт. искусств. наук. М., 2005.

Забелин И.Е. Женщина по понятиям старинных книжников. Опыт изучения русских древностей и истории. Часть I. М.: типография Грачева и К., 1872. С. 129 – 179.

Забелин И.Е. Московские сады в XVII ст. Опыт изучения русских древностей и истории. Часть II. М.: типография Грачева и К., 1873. С. 266 – 322.

Забелин И.Е. Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы. Опыт изучения русских древностей и истории. Часть I. М.: типография Грачева и К., 1872. С. 82 – 129.

Забелин И.Е. Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы. Современные взгляды и направления в русской истории. Часть I. М.: типография Грачева и К., 1872. С. 301 – 355.

Забелин И.Е. Царь Алексей Михайлович. Опыт изучения русских древностей и истории. Часть I. М.: типография Грачева и К., 1872. С. 203 – 281.

Заорская И.Ю., Чапайкин И.В. История русской культуры. 2018. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook144/01/part-005.htm> (Дата обращения: 12.09.2018)

Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004

Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2008.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Костомаров Н.И. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI – XVII столетиях и старинные земские соборы // Исторические монографии и исследования. СПб., 1907. Кн. 8. Т. 19. С. 6 – 232 .

Котошихин Г.К. О России в царствование Алексей Михайловича. Современное сочинение. Издание 3. СПб., 1884.

Ключевский В.О. Русская история. М.: Эксмо. 2008

Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: «Европейский дом», 2002

Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. СПб.: Азбука-Атикус. 2015

Лихачев Д.С. Русская культура XVII века. 2018. (Дата обращения: 15.02. 2018)

Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500 – 1640. Эссе по исторической психологии. М.: Издательский дом «Территория будущего» 2010.

Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ, Астрель. 2006.

Российский менталитет Выпуск I. Отв. ред: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.В. Харитоновна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–38.

Сукина Л.Б. русское религиозное сознание второй половины XVI – XVII века. Автореф. дисс. ...докт. истор. наук. М., 2013.

Шмурло Е.Ф. История России 852 – 1917. Н. Новгород: Черная Сотня. 2016.

THE FORMATION OF THE MENTALITY OF THE RUSSIAN PERSON OF THE MIDDLE OF THE XVII CENTURY

E.N. Kholondovich*

***Candidate of psychology, senior researcher associate laboratory history of psychology and historical psychology, Institute of psychology of the Russian academy of sciences*

The article presents the psychological and historical reconstruction of the mentality of the Russian people in the middle of the XVII century. The analysis of cultural, political, social contexts of the XVII century. Features of beliefs and representations of people of that time, some methods of thinking, perception of space and time, the relations of the power and the people, legal

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

consciousness, development of art are presented. The society of the XVII century in Russia was a clear differentiated on the basis of caste, identity is not highlighted. Thinking human was emotionally different mystical orientation. Human life and his conception of time was strictly regulated by the Church rules and the cycles of nature. In the middle of the XVII century. tendencies to the gradual development of the personality self-consciousness, the formation of a new right consciousness were outlined, new cultural models were put in place, expressed in the conflict between the culture of the elite and the people.

Keywords: mentality of the Russian person, the middle ages, personality, consciousness, mystical representations, cultural models, methods of thinking, cultural context of an era